

Поэзия 180

Поэт-лауреат США Билли Коллинз:

«Я не устаю ухаживать за читателем»

независимая — 2002 — 5 руб. — с. 8.

Глеб Шульпяков

В поэзии существует как минимум два типа высказываний — «центростремительное» и «центробежное». В первом случае поэт пытается «работать» со смыслом предмета напрямую, во втором — описывает реальность, окружающую этот предмет: то есть фиксирует смысл по принципу папье-маше.

Нынешний поэт-лауреат США Билли Коллинз — типичный представитель «второго случая». Он, так сказать, «блис-

— Вы выступили с проектом «Поэзия 180». Что за таинственное число?

— Это всего лишь среднее число дней в учебном году в американских школах. Идея — читать по стихотворению в день на школьном радио после новостей для старшеклассников. Стихотворение не будут учить, обсуждать, анализировать, только — слушать. В шутку я называю свою затею «juke-books», ну это игра слов: «juke-box», как вы знаете, музыкальный автомат, играющий пластинки по заказу. Но есть еще одно прочтение этого числа: поворот на 180 гра-

— Нет, конечно. В молодости я подражал Ферлингети, Каммингсу, Стивенсу, Гинзбергу. Чтобы быть поэтом, думал я, вы должны говорить на каком-то коде. Это было плетением словес. И это ни к чему меня не привело. Я не считаю, что стихотворение для читателя это задача, которую надо решить, я думаю, что его надо просто пережить вместе с поэтом. Я хочу, чтобы у читателя было ощущение совершенного путешествия.

Написать стихотворение — это дать одеть себя в смиренную рубашку и выйти из нее,

Серьезное искусство рассматривает несчастье как исходное данное, а мне хотелось писать стихи о состоянии довольства жизнью

тательная реакция» на интеллектуальную, «надуманную» поэзию, под знаком которой прошел XX век в Европе и Америке. И результат был мгновенным. Его полюбили домохозяйки и литературные критики, профессура и дантисты, философы и финансисты: настолько, что в стране всерьез говорят о «феномене Коллинза». И это феномен вполне реален. Стихи Коллинза поверхностны, но что такое поверхность, как не точный слепок со смысла? Каждое его стихотворение — это всегда история, но что такое конкретный сюжет, как не ловушка для содержания? И не честней ли ловить смыслы в ловушке, чем их выдумывать?

Внешнее, наглядное, чувственное, предметное, поверхностное — вот фирменный набор поэта Коллинза: но ведь метафизика начинается именно там, где предмет соприкасается со своей поверхностью, не правда ли? Перед вами — первое интервью поэта российской прессе. Русский критик в Нью-Йорке Лиля Панн встретила с поэтом-лауреатом в Гринич-Вилледже, где Билли Коллинз присутствовал на совместном вечере русских и американских поэтов.

Лиля Панн
Нью-Йорк

— В России поэзией интересуется значительно большая часть населения, чем в Америке, а института «поэта-лауреата» при правительстве нет. Откуда эта должность в Штатах?

— Поэт-лауреат — это еще британская традиция, уходящая к тем временам, когда поэт состоял при дворе и был обязан сохранять в памяти нации жизнь страны в форме стихов, поэм.

Что касается США, где переняли британскую традицию в 1937-м, то здесь поэт-лауреат работает на идею поэзии как таковой. Представление о конкретных обязанностях поэта-лауреата при этом довольно туманное. Вы можете делать все, что хотите, для расширения сферы влияния поэзии в стране помимо того, что нужно выступить с традиционным чтением своих стихов, прочесть лекцию, помочь с организацией периодических чтений поэтов в Библиотеке конгресса. Я думаю, что потому они и назначают каждый год нового человека, что надеются, что когда-нибудь кто-нибудь сообразит, чем поэт-лауреат действительно должен заниматься!

дусов подразумевает поворот назад — к поэзии, в нашем случае.

— Пожалуй, ваш проект проще внедрить, чем проект Бродского — продавать сборники стихов в аэропортах и магазинах рядом с предметами первой необходимости.

— Ну не знаю, что у меня получится, — это как швырнуть 180 стихотворений в ночь, но я очень надеюсь, что многие школы их подхватят.

— Вы наверняка отобрали стихи по тому же принципу, по какому пишете свои собственные. Я говорю о том, о чем все говорят — о доступности ваших стихов.

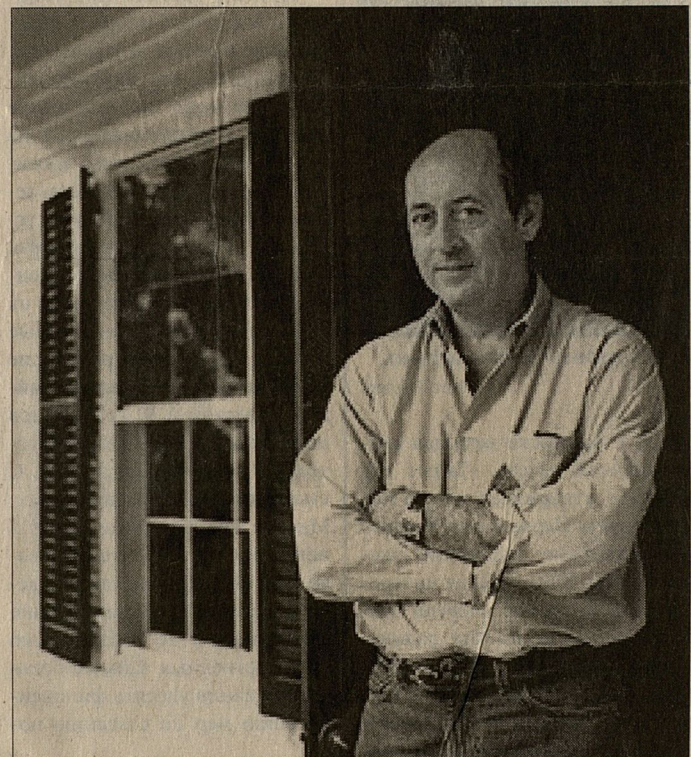
— Да, я думаю о читателе, когда пишу: он в одной комнате со мной, я разговариваю с

как Гудини. Серьезное искусство рассматривает несчастье как исходное данное, но мне захотелось написать стихи о состоянии удовлетворения, довольства жизнью.

Хорошее стихотворение одновременно забавно и серьезно, причем читатель не уверен, где что. Такой двойственный голос спасает вещь от сентиментальности. В большой поэзии, как в человеческих отношениях, религиях или реальности, смысл не выразим. Он, как ветер, ощущаем, но не виден. Как вода — ускользающая. Набоков сказал: «Жизнь прекрасна, и мы умираем». Каждое стихотворение об этом.

— С каких лет вы пишете?

— Первое стихотворение я написал в 12 лет. Но только,

Билли Коллинз — поэт-лауреат США и просто поэт.

ним и слежу за тем, чтобы не говорить слишком быстро или слишком бойко. Обычно я стараюсь создать гостеприимный тон в начале стихотворения. Шагнуть от названия к первым строкам — это как ступить в каню. Много неприятностей может произойти. При этом я пишу всю вещь в один присест, позже я чаще всего правлю.

Я думаю, что современная поэзия потворствует своим прихотям, одна из которых — быть непременно сложной. Вот она и потеряла читателя. Я не устаю ухаживать за читателем. Я предпочитаю свиту читателей, а не критиков.

— Но не всегда же вы ценили простоту?

когда мне было за сорок, я начал писать стихи, которые, кажется, только я мог написать.

Писателем я хотел быть всегда, мне нравился сам имидж писателя. В своей диссертации я исследовал, как поэты-романтики завоевали читателей. Медленно — вот ключевое слово.

Я увлекался битниками и всем понемножку. Была такая школа письма — «крещение махихуаной», и ее уроки мне пригодились, когда я стал писать короткие тексты для «Rolling Stone» по 35 долларов за штуку. А с 1970-го я начал преподавать литературу в городском Университете Нью-Йорка. Где и работаю по нынешний день. ■

Билли Коллинз
КАК СНЕГ

Когда в городе начинается метель и воздух наполняется снегом, его хлопья разлетаются, как планктон, когда на него несется кит с разинутой пастью. В конце концов так это выглядит из окна машины такси, в которой я еду по самому центру вселенной, в сумерках воскресного вечера, когда так удобно сравнивать одни вещи с другими и находить между ними сходство. Да, снег был похож на косяк

белого планктона, который струился в потоке ветра по американским проспектам, бликуя на фоне огромных зданий. «Раз так, то наша машина, такая желтая и такая неповоротливая, — это морское животное» — я протирал очки, которые в такси запотели. «А мне отведена роль глаза, который вращается на тонком стебле, наблюдая за тем, что происходит с той стороны этого мира». Так думал я — и продолжал смотреть сквозь толщу воды на толпы людей, на цветные огни, вывески и на эту бесконечную стремнину снега.

Перевел с английского Глеб Шульпяков